

щих и мировых судебных установлениях // Журнал министерства юстиции. 1901. №4.

7. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-1894 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3.

8. Тарновский Е.Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал министерства юстиции. 1899. №

УДК 94(47).05

ББК Т.3(2)511-06

ГСНТИ. 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Е. С. Соколова

Екатеринбург

**ОБОСНОВАНИЕ НАДСОСЛОВНОЙ ПРИРОДЫ
РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕТРА I О ПОРЯДКЕ
ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ.: ОПЫТ
ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт престолонаследия, надсословная монархия, государственный патернализм, имперское законодательство, правовая политика, принцип законности, правительственная элита, правосознание, политическая практика.

АННОТАЦИЯ: в статье выявлена теоретико-юридическая основа института престолонаследия в российском законодательстве первой четверти XVIII в.; автор делает вывод о том, что в условиях династического кризиса 1725 г. сторонники правления Екатерины I рассматривали принцип законности как правовую гарантию сохранения надсословного имиджа российского самодержавия, необходимого для последовательной корректировки петровских реформ.

E.S. Sokolova

Yekaterinburg

**JUSTIFICATION OF THE OVER-ESTATE NATURE OF
RUSSIAN AUTOCRACY IN THE LEGISLATION OF
PETER I ON THE ORDER OF SUCCESSION TO THE
THRONE AND THE POLITICAL PRACTICE OF THE
FIRST HALF OF THE 1720S: EXPERIENCE OF THE
HISTORICAL AND LEGAL RECONSTRUCTION**

KEY WORDS: Institutesuccession,over-estatemonarchy,state paternalism,imperial legislation, legal policy, the principle of the rule of law, government elite, sense of justice, political practice.

ABSTRACT: The article revealstheoreticallegal basisof the Instituteof successionin the Russian legislationin thefirst quarter of theXVIII century; The author concludesthatinthe dynasticcrisis of1725the supportersof CatherineIsawthe principle of legalityas a legalguarantee of preservation of the over-estateimage of Russianautocracy,requiredfor sequentialadjustmentof the Peter’s reforms.

Идея верховенства закона в моделировании государственно-правовой системы Российской империи с первой четверти XVIII в. приобрела значение ведущего теоретико-идеологического концепта законодательной политики самодержавия. В значительной степени этому способствовала неоднозначность петровских преобразований с их рационалистическим обоснованием в духе «общего блага», заимствованным из платонической традиции западной политической философии. Декларируя божественное предназначение монарха всеми силами способствовать реализации «государственного интереса», Петр I сознательно воздерживался от разработки развернутого законодательного определения указанного понятия. Это позволяло ему виртуозно балансировать между интересами разобщенных социальных групп со сложной стратификацией и естественной в условиях затяжной войны потребностью верховной власти узаконить свои неограниченные прерогативы [16. С. 61 – 65; 17. С. 86 – 88].

Общеизвестно, что кончина Петра I спровоцировала возникновение серьезных разногласий в правительственной среде по поводу дальнейшей судьбы государственно-правовых преобразований, социально-экономическое бремя которых остро чувствовали все слои населения, включая дворянство. Царь-реформатор и сам хорошо понимал всю степень тяжести проводимого им внутривнутриполитического курса на скорейшее достижение «общего блага». Об этом, в частности, свидетельствуют последние в его жизни именные указы, на основе которых было составлено несколько предписаний Сената, подтверждающих волю умирающего монарха. Перед смертью Петр I приказал простить всех «колодников» и распорядился не приводить в исполнение судебные приговоры по

«военным артикулам и правам», предусматривающие применение смертной казни. Исключение составляли только лица, осужденные «по первым двум пунктам» петровского указа 1715 г об обязанности подданных доносить царю о деяниях против спокойствия государя и государства [11. С. 408; 12. С. 409 – 410].

27 января 1725 г. «ради доброго здравия его императорского величества» царское прощение получили и все дворяне, не прибывшие на очередной смотр в герольдмейстерскую контору Сената. По желанию Петра I за ними сохранялись прежние чины, и была отменена конфискация имущества [10. С. 409]. Вместе с тем, будучи в силе, царь никогда не сомневался в оправданности наложенных им на все сословия имущественных и личных тягостей, мотивируя необходимость самых непопулярных законодательных мер обязанностью природного государя служить божественному замыслу. В частности, составляя 16 августа 1724 г. программу для празднования очередной годовщины Ништадского мира, Петр I отмечал «неискусство наше во всех делах», свидетельствующее о том, что «все умы человеческие ничто есть против воли божией» [18. С. 536].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что важным последствием сословной реформы Петра I, направленной на расширение социальной опоры самодержавия за счет принципа выслуги дворянского звания, стало усиление социальной неоднородности дворянства. Ожесточенная борьба между «старыми» и «новыми» дворянами за доступ к верховной власти и политическое влияние при новом дворе отражала расстановку социальных сил внутри служилого сословия Российской империи и в то же время свидетельствовала об «усталости» различных слоев населения от ускоренного темпа двадцатилетних петровских преобразований. Об этом, в частности, писал вскоре после смерти Петра I П. И. Ягужинский, характеризуя в обстоятельной записке на высочайшее имя общее положение дел в России. Он, например, указывал новой императрице на необходимость «прилежного и скорого рассуждения к поправлению нынешнего в государстве состояния ...», так как впредь «... внутри и вне государства для целости государства и народа меры взять крайняя нужда настит» [18. С. 551].

Соображения Ягужинского были настолько основательными, что осенью 1725 г. Сенат даже предложил Екатерине I впредь исключать из подушного оклада всех «убылых» лиц, уменьшить его размеры на следующий год до 60 копеек с души и продумать в дальнейшем возможность сокращения численности армии и размеров ее денежного содержания [3. С. 8]. Как известно, кажущееся единодушие сенаторов при обсуждении вопроса о необходимости внесения частных коррективов в законодательство Петра I было поверхностным результатом весьма непрочного консенсуса, достигнутого правительственной элитой в результате возведения на императорский престол его супруги Екатерины Алексеевны. По отзывам современников этого события, в роли ее самых активных сторонников выступили лица из ближайшего окружения царя, имевшие основание опасаться прихода к власти сына погибшего Алексея Петровича. Результаты розыска 1718 г. показали, что сам опальный царевич весьма рассчитывал в соперничестве с Петром I за власть на поддержку Долгоруких, Голицыных и других видных боярских фамилий. Все они дожидались своего часа, чтобы изгнать из политической жизни «худородных» выскочек, не гнушаясь при этом самыми высокими государственными постами в петровской администрации.

Отсутствие упорядоченного механизма престолонаследия, предоставляло противоборствующим придворным группировкам хороший шанс свести счеты и направить оставшийся без рулевого корабль российской государственности в нужное им русло. В историко-правовой и исторической литературе предшествующих двух столетий подробно исследованы мотивы главных участников провозглашения Екатерины Алексеевны единственной законной наследницей Петра I. По мнению большинства авторов, наиболее активная роль в определении будущего Российского государства принадлежала тем сторонникам продолжения петровского курса, которые выдвинулись на государственном поприще, благодаря личным заслугам и не имели широких кровно-родственных связей со старомосковской знатью. Все они, так или иначе, содействовали отречению царевича Алексея от престола и по долгу службы высказались в Сенате за вынесение ему смертного приговора за ослушание царских указов.

Обстановка, в которой происходил спор о судьбе «петровского наследия», вспыхнувший еще у одра смертельно больного государя, является свидетельством незавершенности петровских преобразований в области укрепления правового статуса самодержавной власти монарха. Провозгласив себя императором, Петр обосновывал свой новый юридический статус с позиций старомосковских представлений о сущности самодержавия, частично заимствованных из Византии. В значительной мере именно это обстоятельство способствовало появлению в русском государственном праве первой четверти XVIII в. Устава 1722 г. о престолонаследии, по которому отменялся обычный порядок передачи престола по старшинству в нисходящей от наследодателя мужской линии. Формально право государя самому определять наследника подкреплялось ссылкой на указ 1714 г. о единонаследии, согласно которому никто не мог оспорить волю завещателя. Однако в уставе 1722 г. законодатель не счел нужным ограничить круг претендентов детьми и внуками царствующего императора, придав этому нормативному акту дух традиционного «вотчинного» похода к решению вопроса о преемстве императорской власти.

Опираясь на заветы «предков», известные ему из летописной традиции старой Москвы, Петр I все же не возводил пример «блаженные и вечнодостойныя памяти великого князя Ивана Васильевича» в ранг непререкаемого авторитета. По его словам, великий собиратель «розсыпанного ... нашего отечества, выбирал достойнейшего наследника между сыном и внуком, дабы «в расточение ... его не допустить» [9. С. 61]. Судя по духу петровского указа, в данном случае императора-законодателя беспокоило не столько нормативное закрепление возможного круга наследников, сколько исключение из юридического быта Российского государства «недоброго обычая ... что болшому сыну наследство давали». Сохранение пережитков старины способствовало, по его мнению, самоуспокоенности наследников. В случае с царевичем Алексеем, который упорно противодействовал политике своего отца, направленной на благо страны и народа, господство обычая едва не нарушило спокойствие государства по «надменности» законного наследника «авесаломскою злостью».

Решая вопрос о престолонаследии, Петр I стремился максимально придать своей воле ореол законности. Тем не менее, к 1722 г. царь находился в достаточно затруднительной ситуации. Оба его младших сына умерли в младенчестве, дочери претендовали на заключение блестящих династических браков, а юный возраст царевича Петра Алексеевича не позволял определить степень его способностей к самостоятельной политической деятельности. Кроме того, по мнению С. М. Соловьева, проявив открытое предпочтение в пользу маленького Петра, царь, таким образом, поставил бы под удар своих ближайших соратников, которые когда-то высказались против Алексея [18. С. 517]. Очевидно, что продумывая дальнейшие меры по урегулированию порядка престолонаследия, царь испытывал настоятельную потребность в доктринальном обосновании возможных шагов в этом направлении.

Вопреки бытующему в историографии мнению, Петр I, вероятно, не собирался ограничивать круг возможных претендентов на трон, так как у него были явные сомнения в оправданности применения указа о единонаследии 1714 г. к сфере государственного права. В частности, он вполне определенно высказался по вопросу о прерогативах государя в области наследования верховной власти. Петр, например, не исключал возможности передать трон «чужому», но «достойному» лицу, при условии «непотребства» родных сыновей, не признающих приоритет «государственного интереса» над личными амбициями. «Ибо не могу, - писал император, - такова наследника оставить, который бы растерял то, что чрез помощь Божию отец получил, и испроверг бы славу и честь народа российского, для которого я здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего ...» [7. С. 55].

В 1722 г. Петр I поручил Феофану Прокоповичу составить подробное обоснование законодательных положений устава о престолонаследии под заглавием «Правда воли монаршей». Не находя в правовых обычаях, юридических преданиях старины и действующем законодательстве Российского государства прецедентов, достаточных для придания законной силы высказанного ранее Петром I тезиса о праве отца поступиться интересами законных наследников во имя «общего блага», Феофан обратился к библейской истории и западным образцам политико-правовой

мысли. Его задача заключалась в том, чтобы разработать теоретические доводы в пользу нового порядка престолонаследия с позиций божественного права, перед непрерываемостью которого отступают мнения людей. Помимо этого, Феофану предстояло найти аргументы, легитимирующие действия Петра-императора в сознании европейского политического сообщества. Он блестяще выполнил поручение Петра I, возведя прочный историко-теоретический фундамент над еще не прошедшей испытание временем юридической конструкцией самодержавия.

Воспользовавшись отсутствием в партикулярном указе 1714 г. о единонаследии никаких указаний о праве отца отдать недвижимое имущество в чужой род, Феофан Прокопович предложил вниманию читателя «резоны» двух видов. Учитывая дуалистичность прерогатив монархической власти, в равной степени, пекущейся о благе подданных и процветании Российской державы, он предложил ориентироваться в решении проблемы престолонаследия как на «рассуждения законов общих о власти родительской», так и на «рассуждения высочайшей власти Императоров, Царей и прочих, кое либо титулы Самодержцев». В преамбуле к основному содержанию «Правды» Феофан высказал официальную точку зрения на внесенные Петром первым изменения в порядок наследования престола. Ссылаясь на решения совместной конференции Святейшего Синода и Правительствующего Сената, он подчеркнул необходимость «показать всякому», что «Всероссийский Император не просто Устав сей издал, но с крепкими ... доводами свободного Монархом определения в наследники их ...». Здесь же приводится расширительное толкование петровского указа о наследовании престола, предусматривающее возможность передачи родительского скипетра представителю «иного рода», «добре царствовать могущего» [6. С.82 – 83; 8. С. 698 – 702].

Стремясь доказать законность санкционированного Петром I права монарха самому назначать себе наследника, Феофан Прокопович обратился к богословской аргументации. В частности, на основе постулата о божественном происхождении монархической власти он утверждал, что ее священная природа полностью исключает возможность легитимных притязаний сына на корону «своего родителя» «аки бы некоего долга ... » [6. С. 97]. Приучая своих подданных «как к благочестию, так и к честному жительст-

ву», царь-законодатель стоит выше ходячих представлений о добром и справедливом, так как для него существуют «учения священных писаний» [6. С. 105]. С точки зрения Феофана Прокоповича, все постановления, исходящие от верховной власти, направлены на достижение всенародной пользы, даже если на первый взгляд, они таковыми не являются. Искажение «правды» в деле законотворчества может произойти только в том случае, если разумный государь, правильно понимающий свою «должность», оставит после себя наследника «негодного, неискусного и ленивого». [6. С. 106]. В силу этого при назначении преемника монарху надлежит, в случае необходимости «и на сыновство не смотреть детей своих». [6. С. 107].

Важно отметить, что в произведении Феофана Прокоповича был предусмотрен и способ преодоления династического кризиса, могущего возникнуть при отсутствии завещания монарха о передаче верховной власти. В этом случае он допускал расширительное толкование воли умершего государя его подданными в соответствии с нереализованными намерениями монарха. Теоретическая мотивировка подобного решения проблемы престолонаследия осуществлена Феофаном Прокоповичем в соответствии с концепцией общественного договора, хорошо известной интеллектуалам петровской эпохи из политико-правовой мысли раннего европейского Просвещения.

Ближайший результат законодательной инициативы Петра I в области престолонаследия оказался парадоксальным. Царь, провозгласивший основой своей правовой политики уважение к закону, нарушил собственное предписание, не назначив себе наследника, что и стало юридической основой возникший после смерти Петра династического кризиса. Для понимания дальнейшей эволюции принципа законности в правовой политике самодержавия несомненный историко-правовой интерес представляет выявление юридических оснований восшествия Екатерины I на российский престол, сконструированных ее ближайшими сторонниками с помощью тезиса о неотъемлемом праве вдовствующей императрицы на восприятие петровского наследия.

Отсутствие к 1725 г. каких-либо серьезных оснований, позволяющих считать его законной преемницей умершего императора его дочери Елизаветы не вызывает сомнений. Маловероятной

является возможность буквального применения к создавшейся династической ситуации 2-й статьи указа о единонаследии, модернизирующей принцип старомосковского поместно-вотчинного права, по которому при отсутствии сыновей дочь могла наследовать имение отца. Согласно нормам «Соборного Уложения» девушка из служилой семьи имела наследственное преимущество перед своей матерью-вдовой, но впоследствии она должна была укрепить полученные ею отцовские земли за будущим мужем или близким родственником, чтобы сохранить их значение земельного пожалования за службу. Этот порядок, как правило, применялся в судебных спорах о земле при жизни Петра I, так как в указе о единонаследии законодатель учел старомосковскую традицию. С небольшими изменениями его юридическая основа нашла дальнейшее подтверждение в «Вотчинных пунктах» 1725 г. [14. С. 87 – 89; 5. С. 35 – 37].

В данном случае соблюдение буквы закона могло привести к новому витку династического кризиса. Опасность этого, вероятно, понимал и сам царь, который на свой лад позаботился о создании законных оснований для признания спорности прав Елизаветы на отцовский трон. Например, Феофан Прокопович высказал мнение, что передача верховной власти дочери может осуществляться только в тех государствах, где существуют традиции женского правления. Первое издание «Правды воли монаршей» осуществлялось с одобрения Петра I, и нет никаких оснований считать, что он в данном случае не был согласен с мнением ее автора.

Обосновать право вдовствующей императрицы на преемство верховной власти от умершего Петра I было значительно легче. В распоряжении ее сторонников находился обнародованный в 1723 г. манифест, подтверждающий право Екатерины Алексеевны на императорский титул и дававший возможность однозначного толкования посмертной воли царя в соответствии с рассмотренными выше рекомендациями Феофана Прокоповича. В новейших историко-правовых работах обоснованно высказывается мнение о том, что коронавание Екатерины I было проведено ради того, чтобы почтить супругу царствующего императора, не предоставляя ей правомочия управлять государством [13. С. XV – XVI]. Однако эта точка зрения нуждается в некоторых дополнениях. Текст коронационного манифеста от 15 ноября 1723 г. действи-

тельно составлен в очень осторожных выражениях, не содержащих прямого указания на предоставление коронованной императрице Екатерине Алексеевне законных прав на наследование престола. В данном случае Петр I, прежде всего, ставил перед собой задачу возведения русской монархии на уровень вселенской империи с помощью визуально-мнемонических средств знакового характера. Правота тех авторов, которые видят в акте коронации Екатерины стремление закрепить в сознании подданных легитимность вестернизированного государственного порядка, созданного реформами Петра I, не вызывает сомнений. По словам самого царя, он действовал в знак подражания «Потентам» всех «Христианских Государств», которые непременно придерживаются обычая «супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле право у славных Императоров Греческих сие многократно бывало» [15. С. 100 – 104].

Создавая в общественном мнении образ Екатерины-помощницы в нелегком «государевом деле», Петр, таким образом, намеренно внедрял в сознание своих подданных представление о заслуженно возвеличенной им супруге. Природное право монарха-самодержца назначать себе соправителя получило свое теоретическое обоснование в «Правде воли монаршей». Таким образом, трудно отрицать, что косвенным образом Петр I все же подготовил правовую почву для провозглашения «русской Минервы» императрицей, правда, на весьма зыбких юридических основаниях. В ночь на 28 января 1725 г. участники тайного совещания о судьбе российского трона проявили себя верными последователями смертельно больного государя, который нередко подавал правительственной элите пример субъективизма в выборе интерпретационных стратегий правоприменения из прагматических соображений.

Для понимания историко-правовой сущности выдвинутого сторонниками Екатерины I обоснования ее прав на преемство верховной власти от умершего супруга стоит более внимательно присмотреться к аргументам, высказанным в нормативных актах первых дней нового царствования. Общеизвестно, что в манифесте от 28 января 1725 г. воцарение вдовы Петра I было представлено как акт воли умершего императора, подлежащий обнародованию, «дабы все как духовного, так воинского и гражданского

всякого чина и достоинства люди о том ведали ...» [1. С. 2]. Манифест был издан от имени «Синода обще с Сенатом», что должно было подчеркнуть богоизбранность новой императрицы в соответствии с государственно-правовыми представлениями того времени. Он содержал юридические ссылки на Устав 1722 г. и акт о коронации Екатерины, санкционированный Петром через полтора года после отмены старого порядка престолонаследия.

Согласно синодальному указу, подписанному ранним утром в день смерти Петра I, обряд поминовения следовало проводить «по церковному чиноположению ... с прочими преставившимися Российскими государями». Одновременно Синод предписывал духовенству всех церквей и монастырей молить Бога «о многолетнем Ея Величества ... Великой Государыне Императрице здравии, и обо всей Их Величеств фамилии соборно и келейно Господа Бога всегда молить...». Этот указ был рассчитан на всесловную аудиторию подданных российской короны и должен был закрепить в их сознании идею преемства Екатерины от законной власти «природного» монарха православной державы, каковым являлся умерший Петр I. В законодательно закрепленной форме эктений о здравии Императорской фамилии новая императрица подчеркнута именовалась не только «Самодержавнейшей», но и «Благочестивейшей», пекущейся по примеру своего «вечно достойного памяти» супруга «о державе и победе» [2. С. 3 – 4].

Помимо этого, новая императрица обрела утвержденный церковью статус защитницы «Святой православной веры, православных Христиан во век века». Это не только уравнивало Екатерину Алексеевну в правах с исконными православными государями предшествующего периода, но и позволяло впредь обойти молчанием вопрос о ее западном происхождении, которое, несмотря на усилия Петра I по внедрению европейской культуры в политический быт России, время от времени будоражило умы убежденных традиционалистов. Одновременно церковь брала под защиту канонического закона всех членов второй семьи умершего императора, провозглашая равенство перед Богом как Екатерины и ее дочерей, так и все потомство опальной царицы Евдокии Лопухиной.

Реализация сценария законного воцарения Екатерины Алексеевны на престол была бы неполной без придания ее власти орео-

ла надсословности, позволяющего «Ея Величеству» претендовать на «действительное исполнение» всех дел, зачатых трудами» Петра I « в пользу государственную» [4. С. 16]. С этой целью церемония погребения умершего императора была превращена усилиями его бывших сподвижников в грандиозный политический спектакль, прославляющий его «славные» деяния на «общее благо». В исторической литературе существует мнение, что обряд похорон Петра I был составлен фельдмаршалом графом Я. Брюсом на основе французских, немецких и шведских образцов, демонстрировавших земные свершения монархов [15. С. 112 – 113]. Западный стиль оформления траурной залы Зимнего дворца, где более месяца находилось тело Петра I, демонстрировал вселенскую славу России, достигнутую титаническими усилиями «многочисленного» Отца Отечества [15. С. 230].

Организаторы погребального шествия в Петропавловский собор, которое состоялось 8 (10?) марта 1725 г., дополнили имперскую символику надсословными атрибутами. В полдень население Петербурга было оповещено пушечным выстрелом о начале траурной церемонии. Как императора, Петра I хоронили с воинскими почестями. От Зимнего дворца до церкви Святых Апостолов через Неву по пути шествия похоронного кортежа были выставлены гвардейские полки, мушкетеры, флотские офицеры и матросы. По свидетельству Феофана Прокоповича, «толикое вскоре множество народа собралось, что не только по обеим сторонам путь широко заключили, но и везде крыльца и по всем палатам окна наполнили, и самые кровли не праздны были» [15. С. 239]. Судя по официальным описаниям погребения Петра I организаторам проведения траурной церемонии удалось предотвратить беспорядки, неизбежные при массовом скоплении людей. Присутствующие на похоронах партикулярные лица были разделены на группы, соответствующие их правам состояния, чинам и рангам. Все они были расставлены вдоль столичных зданий «по пути стоящим» таким образом, что «каждый класс, видя в ходу свое место, без труда изойти и предыдущим себя поставити мог бы» [15. С. 239]. Сенаторы, высшее духовенство генералитет и представители знатнейших дворянских фамилий дожидались начала церемониала в покоях Зимнего дворца.

В целом, обряд траурной церемонии должен был продемонстрировать единство императорской фамилии и сословий, объединенных общей скорбью о «великом герое и государе», посвятившем жизнь благоденствию Отечества [15. С. 242]. В знаменитом «Слове», произнесенном над гробом первого императора России, Феофан Прокопович использовал богословские категории православной проповеди для обоснования светской политической программы отношения новой власти к петровскому государственному наследию. Уходя из жизни, Петр не оставил Россию «нищей и убогой». Он сделал ее сильной и славной на весь мир, заставил трепетать врагов, а подданным своим оставил «духовные, гражданские и воинские исправления» [15. С. 231]. В заключение Феофан обратился к императрице от имени всех подданных, титулуя ее «самодержавнейшей государыней нашей великой героиней ... и матерью всероссийской». Утверждая, что дух Петра продолжает жить в Екатерине и ее потомках, Феофан призвал всех «сыновей российских» «утешить государыню» «верностию и повиновением». Отдельное увещание в необходимости «утешать ... самих себе, несумненным познанием Петрова духа в монархине нашей ...» он адресовал «благороднейшему сословию, всякого чина и сана», справедливо полагая, что именно лояльность придворной знати к обстоятельствам восшествия Екатерины на престол станет залогом политической стабильности ее царствования [15. С. 231 - 232].

Предложенный автором данной статьи вариант реконструкции историко-правовых обстоятельств возведения на трон Екатерины I позволяет сделать вывод о серьезной деформации правосознания правительственной элиты послепетровского периода. В борьбе ее ведущих представителей за власть высшей ставкой являлась возможность пересмотра правовой сущности идеала «общего блага» с целью облегчения правительственного тягла, прежде всего, для высших сословий. Повышенное внимание к принципу законности стало знаковой чертой и официальной правовой политики ближайших преемников Петра Великого. Их последовательные усилия в сфере моделирования «законной монархии» были, в основном, продиктованы стремлением к укреплению собственного социально-политического имиджа в услови-

ях отсутствия урегулированного правового статуса императорской фамилии и наличия острого соперничества за власть.

Помимо этого, важную роль в формировании абсолютистской доктрины законности сыграло патерналистское по своей природе стремление российских самодержцев закрепить в правосознании всех категорий населения образ «надсословной» власти монарха, радеющего о благе подданных. Вопреки многочисленным декларациям законодателей 1720 – 1780-х гг. о строгом следовании заветам Петра Великого, их политика была направлена на корректировку большинства его начинаний в духе ослабления военно-служилой и социально-экономической нагрузки не только на дворянство, но и на податные сословия. Моделируя возможные варианты достижения юридического компромисса между монархом и подданными, самодержавие использовало принцип законности для разработки догматической основы сословного законодательства о правах состояния.

Источники:

1. Законодательство 1725 года. 28 января. Манифест от Синода обще с Сенатом и Генералитетом. «О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 2.

2. Законодательство 1725 года. 28 января. Синодский. «О кончине и поименовании Государя Императора Петра I и о форме, как читать на эктениях о здравии Императорской фамилии // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 3 – 4.

3. Законодательство 1725 года. 8 февраля. Сенатский, вследствие именного указа. «Об убавке из подушного сбора по 4 копейки с души» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 8 – 9.

4. Законодательство 1725 года. 23 февраля. Именной, данный Российскому Послу Князю Куракину. «О приглашении ученых людей в Российскую Академию Наук и о выдаче, желающим ехать в Россию, нужных пособий» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 15 – 16.

5. Законодательство 1725 года. 28 мая. «Пункты о вотчинных делах // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 31 – 56.

6. Законодательство 1726 года. 21 апреля «Правда воли Монаршей» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 76 – 136.

7. Манифест Петра I о лишении старшего сына Алексея прав наследования престола Всероссийского и о назначении наследником малолетнего сына своего Петра [Февраля 3 дня 1718 года] // Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 54 – 58.

8. О наследии имений. Именной указ. 23 марта 1714 г. // Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 698 – 702.

9. О праве наследия престолом. Именной указ [Февраля 5 дня 1722 года] // Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Е. М., 1997. С. 61 – 62.

10. 1725. № 4641.- Генваря 27. Сенатский. О прощении положенного Дворянам наказания за неявку на смотр // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VII. 1723 – 1727. СПб., 1830. С. 409.

11. 1725. № 4638. – Генваря 26. Именной, объявленный из Сената. Об облегчении преступникам наказаний, кроме тех, которые оказались виновными по первым двум пунктам, в смертоубийстве и разбое // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VII. 1723 – 1727. СПб., 1830. С. 408.

12. 1725. № 4642. – Генваря 27. Сенатский. Об освобождении из под ареста и прощении колодников, кроме содержащихся за вины по первым двум пунктам, за смертоубийство и за неоднократные разбои // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VII. 1723 – 1727. СПб., 1830. С. 409 – 410.

13. Томсинов В. А. Законодательство Екатерины I : комментарий // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. XIII – XXIII.

14. 1649. № 1. Генваря 29. - Уложение // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I. С. 1649 по 1675. СПб., 1830. С. 1 – 161.

15. Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра Великого. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца

Всероссийского // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Анисимов Е. В. М., 1993. С. 232 – 242.

16. Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1 / Ред. А. Миллер, Д. Сдвижков Д., Ширле И. М., 2012. С. 49 – 65.

17. Соколова Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, духовенство, купечество). Екатеринбург. 2011..

18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 17 - 18 // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX / Отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1993.

19. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I.

УДК

94(47).084.6(470.5)

ББК ТЗ(235.55)63

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.В. Сперанский

Екатеринбург

ПРОИЗВОДСТВО АРТИЛЛЕРИИ НА УЗТМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, производство, артиллерия, завод, конструктор, конструкторское бюро, гаубица, танковая пушка, полевое орудие, тактико-технические характеристики.

АННОТАЦИЯ: В статье показан процесс производства артиллерийских установок на одном из крупнейших промышленных предприятий Урала в период военного времени. Проанализирована деятельность конструкторов по разработке новых моделей и усовершенствованию образцов орудий уже стоявших на вооружении советской армии. Дается характеристика тактико-технических параметров, выпускавшихся пушек, условий их использования в боевой обстановке.

*

Работа выполнена по программам ориентированных фундаментальных исследований Уральского отделения РАН «Свердловская область и военно-промышленный комплекс Урала: производство артиллерии в советский период» № 12-6-005-СГ и программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы» № 12-Т-6-1003.